

ХРОНИКА

К вопросу о скульптурном портрете Эфиопского периода времени 25-й династии

Портретная скульптура 25-й династии изучена далеко недостаточно, поэтому особый интерес представляет публикуемый памятник из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Это статуя царицы, изображенная в рост, в фронтальной позе, с традиционно выдвинутой вперед левой ногой и тесно прижатыми к телу руками. Высота статуи 75 см. Материал—серый гранит. Памятник не сохранился целиком: обе ноги обломаны ниже колен. Статуя явно не закончена. Это особенно бросается в глаза на всем головном уборе, трех свисающих концах парика и ожерелья, где еще сильно чувствуется неотполированная, шероховатая поверхность гранита. Осталась неразработанной и задняя плоскость бруса, что особенно ясно видно из сравнения с боковыми его поверхностями, уже приобретшими глянцево-полированный характер.

В статуе с первого же взгляда поражают пропорции исключительно удлиненных рук с развернутыми ладонями и, при всей обобщенности частей тела, столь характерной в скульптуре позднего времени, необыкновенная в то же время сочность трактовки формы, особенно лица, груди, живота.

Массивный, трактованный как бы короткими рубчиками парик в нашей статуе спадает вниз тремя концами. Две свисающие спереди узкие пряди доходят до груди, третья же, более широкая, спускающаяся сзади, доходит до бруса, закрывая всю спину. На голове высокая, круглой формы и очень массивная корона, несколько вздутая в середине и почти незаметно сужающаяся кверху. На лбу—урей, указывающий на царственное происхождение изображенной в статуе женщины. Урей и корона также мало еще детализированы, что явствует особенно из вполне нерасчлененной формы короны, состоящей к тому времени обычно из ободка уреев, намеченных в большей или меньшей степени, как это видно, например, на статуе Аменитрисис из Каирского музея или же хотя бы на более раннем рельефе с головой царицы Тиис из музея в Брюсселе¹. Корона, аналогичная нашей, урей и рельефно выполненные поверх парика распростертые крылья являются обычными атрибутами ряда женских божеств, чаще всего Исиды, в силу чего можно было бы предположить, что наша статуя и изображает эту богиню. Но наша статуя воспроизводит несомненно царицу. Головной убор цариц, согласно памятникам живописи, рельефа и круглой пластики, мог состоять как из одной круглой короны в форме ободка разных пропорций по ширине и в высоту, так и из круглой короны, завешенной, как у Исиды, диском с рогами и перьями. Круглая корона из ободка уреев, по указанию Мургау², появляется в Новом царстве либо с вполне вертикально-прямыми, либо же с несколько расходящимися кверху краями. Эти сложные короны у египетских цариц, аналогичные тем, которые украшают обычно и голову Исиды, общеизвестны. Мы встречаемся с ними вплоть до периода позднего эллинизма.

¹ Carant, Documents pour servir à l'étude de l'art égyptien, Bruxelles t. I, табл. 47.

² Murrays, Egyptian Sculpture, 1929, глава VII.

В пользу предположения, что наша статуя представляет изображение царицы говорит и явная портретность статуи. Тонкая, играющая на лице улыбка, достигнутая несколько приподнятыми концами губ. Ни в новом царстве, ни в период XXVI династии мы не находим этой натуралистически сочной передачи формы, характеризующей наш памятник в целом.

Рис. 1. Статуя царицы. Гранит. Гос. музей изобразительных искусств им. Пушкина.

Рис. 2. Статуя царицы. Профиль. Гранит. Гос. музей изобразительных искусств им. Пушкина.

Лицо царицы округлое, щеки как бы налиты, губы мясисты, особенно верхняя губа, сильно приподнятая к носу, круглый подбородок очень короток, глазные яблоки заметно вздуты, почти незаметно в верхней своей части переходя к надбровным дугам, большие уши далеко посажены. Вся характеристика лица далека от холодной и обобщенной типологии портрета XXVI династии и последующего времени. В этой характе-

ристике в какой-то мере выражен, на наш взгляд, и этнический элемент негроидного типа лица царицы. Это сказывается, между прочим, и в фигуре: в частности, в преувеличенно вздутых грудях.

Все эти особенности позволяют достаточно близко определять круг памятников, близких нашей статуе, и датировать ее. Три памятника, в первую очередь, должны здесь быть привлечены как аналогии. Это статуэтки царицы Каромамы из Лувра (выс. 59,2 см), Тахушит из Национального музея в Афинах (выс. 25 см) и царицы Амениритис из Каира (выс. 1,67 м).

Первый из указанных здесь памятников, сохранивший на цоколе картуш и найденный еще Шампольоном, выполнен в бронзе с инкрустациями из золота, серебра и электра. Статуэтку датируют обычно Ливийским периодом, Капар же пытается уточнить датировку, считая Каромаму женой фараона XXII династии—Такелота II (847—823 г. до н. э.)¹. Некоторые черты сходства царицы Каромамы с нашим памятником бесспорны. Из-под парика в статуе царицы нашего музея выглядывают ее собственные волосы в виле ровно остриженной и спущенной на лоб челки, заканчивающейся трапециевидными концами к вискам. Ту же полоску собственных волос, сходящих к вискам, мы видим и на голове Каромамы. Роднят оба памятника и близкие пропорции фигуры, особенно бедер.

У Тахушит лицо круглее, чем у царицы на нашей статуэтке, и при всем том аналогии в ряде черт очень близки: тот же маленький и округлый подбородок, тот же мотив приближающейся к носу верхней губы, сильно вздутых глазных яблок и мясистого, заметно расширяющегося книзу носа. Наличие в Тахушит негритянского типа, на что указывает и ее имя, по утверждению Муггау, кажется мне совершенно бесспорным, и поэтому отрицание Капаром эфиопского происхождения Тахушит и отнесение им памятника, вопреки всему, к Ливийскому периоду—неубедительно. Большинство исследователей (Шефер, Фехгеймер и др.) безоговорочно относили статуэтку ко времени XXV династии, и такая датировка подтверждается документально относящимися к этому времени памятниками.

Не в меньшей мере, чем Тахушит, близка нашему памятнику и статуя Амениритис. Уже в 70-х годах прошлого века, ссылаясь на мнение Руже и Лепсиуса, Присс Давен совершенно правильно усмотрел в памятнике изображение царицы, отнеся его к пред-сайсскому периоду. Он правильно назвал царицу дочерью Кашто, жившего во времена правления Бокхора (XXIV дин.—720—715 г. до н. э.). Позднее изучивший памятник Биссинг подтвердил имена на цоколе, указав на то, что царица Амениритис являлась сестрой, а быть может, и женой фараона Шабаки (время XXV династии—715—701 г. до н. э.)². Б. А. Тураев считал Амениритис также сестрой этого фараона. В его царствовании Амениритис, по словам Тураева, номинально правила Фивами.

Установленная таким образом датировка памятника была поддержана всеми без исключения египтологами, вплоть до последних работ по египетскому искусству, относившими статую Амениритис ко времени XXV династии. В статуе Амениритис дается характерная для всего эфиопского времени острая портретная характеристика. На массивном парике, разделанном тем же мотивом рубчиков, рельефно даны крылья и корона из ряда уреев, заканчивавшаяся диском с перьями, на что имеется указание в надписях на памятнике. На парике спереди три урея—уникальный мотив, симболизирующий, по мнению Фл. Петри, в данном случае соединение Верхнего, Нижнего Египта и Эфиопии³. Снова, как в статуэтке Каромамы, в нашем памятнике и на голове Амениритис—густая полоска собственных волос, спускающаяся на лоб из-под парика.

¹ Дата царствования Такелота II и других фараонов позднего времени заимствована из последней работы В. Смита—крупнейшего знатока особенно эфиопского периода: W. S. Smith, *Ancient Egypt as represented in the Museum of fine Arts, Boston*, 1942.

² Bissing, *Denkmäler*, табл. 64.

³ Указание это дано в книге М у г г а у, *Egyptian Sculpture*, 1929, глава VII.

Еще в свое время Шассина, в его художественном анализе статуэтки Наромамы, сближал ее с Амениритис; Биссинг же, соглашаясь с этим наблюдением, указал на еще большую близость Амениритис к Тахушит, к искусству, ближе стоящему ко времени

Рис. 3. Слева—Тахушит. Бронза. Нац. музей в Афинах.
Справа—Царица Наромама. Бронза. Лувр.

фараона Тахарки¹. С этим утверждением можно вполне согласиться. И наша статуя царицы, особенно в части портрета, имеет большое сходство с двумя последними памятниками. В трактовке нижней части лица и глаз близка и статуя царицы Амениритис. И в ее лице явно выражены отмечаемые Муггау особенности: маленький,

¹ Schassinat (Monument Piot, IV, стр. 16):

круглый подбородок, поднятая к носу верхняя губа, глаза навываге, с большим вдутием глазного яблока, почти незаметно переходящего в лобную часть.

Таким образом, особенности иконографии и совершенное совпадение ряда стилистических особенностей нашего памятника с памятниками периода XXV дин. не оставляют сомнения в датировке его тем же временем.

Оставляя в стороне детальное изучение отдельных частных сторон рассмотренных здесь памятников, мы должны будем отметить, что такие скульптуры, как Амениритис, Тахушит, Каромама и наш памятник, отличаются стремлением к такого рода реализму и, можно даже сказать, к подчеркиванию иногда таких натуралистических деталей, которые позволяют выделить это искусство в особое художественное направление, отличное как от предшествующего развития в Новом царстве, так и от последующего в собственно Саисском периоде. Круг памятников, позволяющих определить время появления нашей скульптуры, следовало бы расширить указанием еще на ряд женских статуэток Эфиопского периода¹. Период XXV дин. в скульптурном портрете развивается под знаком острой передачи физиономики и этнического типа. Примером тому служит целая серия мужских лиц и в первую очередь портреты Менуемхета—важного лица при эфиопских фараонах XXV дин.²

Приходится расширить круг аналогий при анализе статуи Амениритис, привлекая те же головы Менуемхата и Тахарки³. Мастера этих памятников, выполненных обычно в твердых породах камня (чаще всего гранита), достигали здесь какой-то особой массивности, компактности передачи формы, чрезвычайно обобщая разработку частей тела и лица.

Расширение круга памятников привлечением и мужских портретов многое подтверждает в произведенном нами анализе женских статуэток. Так, в частности, в копенгагенской голове Тахарки отмечавшаяся особенность в трактовке глаза—вздутие глазного яблока и незаметные его переходы к лобной части—проведена с исключительной наглядностью. Уже Присс д'Авени отмечал в свое время близость типологии портрета Тахарки к Амениритис⁴.

Встречаем мы в мужских портретах и другую отмечавшуюся особенность—приподнятые верхние губы к носу. Примером тому служит воспроизведенный у Ж. Капара рельеф с изображением жреца Петуаменапа из музея в Брюсселе. Памятник в такой же мере, как и современные ему скульптурные головы Тахарки, может служить отправной точкой в датировке портретов времени XXV династии. Правильную атрибуцию памятников фиванской гробницы жреца Петуаменапа также дал уже Присс д'Авени⁵.

В итоге следует остановиться на одном очень важном факте. Ряд сделанных нами наблюдений указывает на заимствование многих черт в Эфиопский и последующий Саисский периоды из прежних эпох египетского искусства и, в частности, из эпохи древнего царства.

Так, короткие парики, трактованные горизонтальными ярусами и разделанные прямоугольной формы рубчиками, оказываются, несомненно, заимствованными из искусства древнего царства. Парик жреца из Мюнхенской глиптотеки⁶ есть безусловно архаизация париков, обычных в скульптурах периода V дин. Образцами здесь являются, скажем, голова Тии из музея в Каире или же известняковая голова сидящего египтянина времени V дин. из Гос. музея изобразительных искусств им. Пушкина⁷. Меррей отмечает, как архаизацию, и входящий в период

¹ H. F e c h h e i m e r, Kleinplastik der Ägypter, 1922, стр. 102—111.

² S c h ä f e r, Ägyptische Kunst (Propyläen Kunstgeschichte, B. II, табл. XX1, стр. 432).

³ B i s s i n g, Denkmäler, текст к табл. 64, особенно прим. 13.

⁴ P r i s s e d ' A v e n n e s, Histoire de l'art égyptien, Paris, 1879.

⁵ P r i s s e d ' A v e n n e s, Histoire de l'art égyptien, Paris, 1879, стр. 447, J. C a r a n t, Documents, I, табл. 92.

⁶ B i s s i n g, Denkmäler, табл. 67—68.

⁷ Т у р а е в, Описание египетского собрания, 1917, стр. 10. № 16 в табл. II I.

XXV дин. обычай у мужчин носить парики колоколособразной формы с пробором в середине. Убедительным тому примером является безусловно относящаяся к этому времени голова, приводимая Мерреем по аналогии с головой Ранофера из музея в Каире¹. Заимствуется, по утверждению Биссинга², из искусства Нового царства

Рис. 4. Царица Амениритис.
Известняк. Каир.

эфиопскими фараонами и царицами и частый мотив ношения двух уреев. Обычно эти два урея встречаются и в головах Тахарки³ и начало свое берут в скульптуре Нового царства. Этот мотив особенно типичен для времени Аменхотеп III. Примером могут служить указанные мною выше головы царицы Тии в рельефе из Брюссельского музея, в круглой же скульптуре в голове той же царицы из Каира. Отмечавшаяся особенность трактовки верхней губы, как, например, в статуе царицы Амениритис, также идет из искусства элкси Древнего царства⁴.

Архаизация искусства Эфиопского периода имеет исторические причины. В период же XXV дин. эфиопские фараоны стараются вызвать доверие рабовладельческого класса Египта, привлекая к себе иеречество и возрождая древние египетские культы.

При завоевании Мемфиса фараон Пианхи запрещает касаться храмов и приносит жертву в храме Пта. Культ мертвых, по словам Эрмана, изучившего проявления египетской религии в Эфиопии⁵, принимает египетские формы. Даже позднее, в эллинистическую эпоху, эфиопские цари строят еще себе пирамиды и ставят покойнику стелу с изображением египетских божеств.

В разных областях культуры замечается заимствование элементов старого и их оригинальная переработка. Процесс этот, касающийся языка и религии литературы и изобразительного искусства, установлен главным образом лишь для Саисской культуры, т. е. для периода реставрации египетской монархии в XXVI дин. Этим, повидимому, объясняется, что во многих трудах по египетскому искусству ряд разобранных нами здесь памятников, явно принадлежащих периоду XXV дин. и безусловно типичных в ряде черт только для этого времени, тем не менее подводился под категорию Саисского искусства.

Процесс возрождения основ древнеегипетского искусства в период XXV дин. имел свою специфику. Мы старались возможно ближе подойти и понять ее, выделив с этой целью лишь круг типичных памятников. Если это удалось, то это лишь лишний раз показывает, что категорию Саисского искусства, понимаемую обычно слишком широко, нужно ограничить временем XXVI дин.

В. В. Павлов

¹ M u r g a y, Egyptian Sculpture. 1929, гл. VII, табл. XLIV; Schäfer в Propyläenkunstgeschichte, B. II, табл. IV.

² Bissing, Ib., табл. 64.

³ См., например, опубликованную Шефером бронзовую статуэтку из собр. Мак Грегера, «Zeitschrift für ägyptische Sprache», Bd. 33 (1895), стр. 114—116.

⁴ Указание на этот факт находим у Биссинга, текст к табл. 64.

⁵ E r m a n, Die Religion der Ägypter, глава XX.